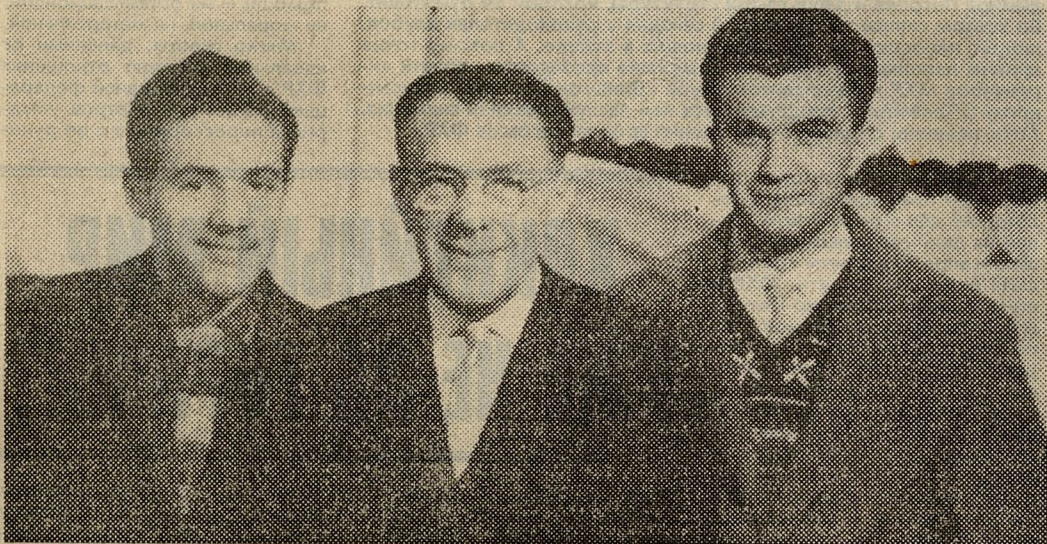

известия - 1994 - 7 апр. - с. 7

СТО ЛЕТ С КИО

Юрий НИКУЛИН

Все, кто любит настоящие фокусы и великих фокусников, в эти дни отмечают 100-летие со дня рождения выдающегося иллюзиониста современности Эмиля Теодоровича Кио. Магические гала-представления «Волшебник XX века», посвященные этой дате, пройдут 12 и 13 апреля в Большом московском цирке на проспекте Вернадского, а 14 апреля — в Центральном доме работников искусств.

Кио неповторим.

Он первым перешел с эстрады в цирк. «Здесь большую часть своих фокусов, — рассказывал Эмиль Теодорович мне и Мише Шуйдину, — я исполнять уже не мог. На сцене-то три стены. Они прикрывали меня и аппаратуру от публики. На манеже я открыт со всех сторон. Все пришлось менять». Вспоминаю, как в черном фраке (шли по заказу у лучшего портного Риги), в белоснежной манишке, Кио уверенным шагом выходил на манеж. Глаза его иронически поблескивали сквозь очки. Всем своим видом он как бы говорил: «В общем-то все, что вы увидите, обман, но попробуйте догадаться, в чем он. Я хочу вас поразить. Да мне это ничего не стоит сделать». Атракцион Кио шел в бешеном темпе. Трюк сменялся трюком — один лучше другого. Публика не успевала опомниться.

Нравился мне его знаменитый фокус со львом. На манеж вывозили на колесиках большую железную клетку, в которую Кио «заключал» одну из ассистенток. Щелкал замок, клетку на несколько секунд накрывали легкой материей, а затем, когда покрывало поднимали, зрители видели: вместо ассистентки в клетке мечется громадный лев. Так же эффектно выглядел и трюк, когда на манеж выносили вставленный в рамку прямоугольный кусок стекла. По обе его стороны Кио прикреплял две бумажные мишени, а потом, обойдя на несколько шагов, стрелял из пистолета. Сквозь бумагу и

стекло он продевал металлический стержень с лентой. А когда мишени снимались, зрителям показывали, что стекло совершенно целое и никакого отверстия в нем нет. Позже, узнав секрет фокуса, я поразился, как все просто.

Как-то Эмиль Теодорович сказал мне: «Публика не должна успевать анализировать. Если появиться для этого время, зрители начнут докапываться до секрета. Тут нужны быстрота, темп, ритм. Пускай дома вспоминают и думают...» Кио рассказывал, как трудно придумывать иллюзионные трюки. Сотни раз приходится пробовать, репетировать, переделывать и совершенствовать аппаратуру, прежде чем что-то получится. Очень ценил и просто любил своих ассистентов, особенно Ивана Брюханова и Ивана Татаринского. Они вместе придумывали трюки, изготовляли чертежи аппаратуры, мастерили реквизит с секретными устройствами. Слава не изменила характер Эмиля Теодоровича. Он заботился об артистах, был с ними демократичен. И я сразу попал под обаяние этого человека. Помню, тяжело заболела жена Таня, и я не смог прийти на представление. На другой день Эмиль Теодорович подошел ко мне и спросил, что случилось. Узнав о болезни Тани, предложил свою помощь — достать лекарства, пригласить врача-специалиста. Я удивился, почему он вдруг подошел ко мне, к неизвестному артисту, делающему первые шаги в цирке, а потом узнал: он всегда старался помочь

всем, не делая различия между конюхом и директором цирка. В цирке Кио уважали и любили.

Жил Эмиль Теодорович на широкую ногу. Все деньги, а зарабатывал он много, тратил легко: одежду шил у самых дорогих портных, обедал в самых шикарных ресторанах, в гостиницах всегда занимал номера люкс. И поэтому порой за два-три дня до полудня он оказывался без денег.

Кио любил успех. Его выступления поражали не только зрителей нашей страны, но и любителей цирка десятка стран, где он гастролировал. Кио с удовольствием поддерживал легенды о себе, гордился тем, что в лондонском клубе иллюзионистов его портрет висит первым среди мастеров этого жанра.

Имя Кио звучит на манеже цирка и сегодня — традиции отца продолжают два его сына. Младший — Игорь вышел на арену в пять лет, а в пятнадцать, когда отец заболел, сумел заменить его на нескольких представлениях и не где-нибудь, а в Цирке на Цветном. Старший сын Эмиль пришел на манеж после окончания института — Эмилю Теодоровичу, не имевшему высшего образования, очень хотелось, чтобы оно было у сына.

Вспоминая Эмиля Теодоровича Кио, я с болью думаю вот о чем: сегодня искусство цирка находится на грани выживания, на сухом пайке, как и вся культура. На нее выделено по госбюджету 0,3 процента. На год. Правильно сказал А. Вознесенский: если убрать запятую, получится имя «Скорой помощи». И все же мне верится, что благодаря таким мастерам и личностям, как Кио, и благодаря любви зрителей цирк был, есть и будет.

На снимке: Э. Кио с сыновьями Игорем и Эмилем.

Фото из семейного архива.